

— Какие тут могут быть секреты! — пренебрежительно скривился Ло Цинь. — Позавчера мой брат нёс службу при особе императора и воочию видел, как драгоценная наложница Нин закатила сцену. Что и говорить, дочь мясника — настоящая фурия! И слёзы, и истерики, и угрозы повеситься! Императрица от злости позеленела!

Дуань Минчэнь удивился:

— Наложница осмеливается так буйствовать, и император не вмешивается?

— Да что он может сделать? Даже справедливейший судья не разберётся в семейных дрызгах! К тому же император души не чает в драгоценной наложнице Нин, не может и дня без неё прожить!

Тан Цзинвэнь недоумённо спросил:

— Неужели дочь мясника настолько прекрасна, что может затмить всех трёх тысяч наложниц и сосредоточить на себе всю императорскую милость?

— Я сам драгоценную наложницу Нин не видел, не могу сказать, насколько она красива... Но поговаривают, что она даже не самый любимый императором человек. Есть один, кто пользуется ещё большим расположением Сына Неба...

— Кто же? — в один голос спросили остальные трое.

Ло Цинь покачал головой:

— Кто же ещё, как не евнух Гу Хуайцин!

Опять он?

Дуань Минчэню начало казаться, что с момента возвращения в столицу он чаще всего слышит именно имя Гу Хуайцина. Этот человек и впрямь был на пике славы, пылал ярким пламенем, и, кажется, от него никуда не деться!

— Этот евнух Гу был рядом с императором ещё тогда, когда тот был всего лишь неприметным принцем. Более десяти лет они провели бок о бок, и отношения их столь тесны, что, говорят, они вместе ездят в одной колеснице и спят на одном ложе.

— А я слышал одну сплетню... — Ло Цинь понизил голос, и его взгляд стал многозначительным. — Нынешний император не слишком жалуется женский пол, потому до сих пор и нет наследника. А драгоценная наложница Нин, как говорят, чем-то похожа на Гу Хуайцина. Вот поэтому государь и выделяет её, оказывает особую милость.

Эти слова повергли Дуань Минчэня и его товарищей в ошеломлённое молчание! Если это правда, то Гу Хуайцин и есть подлинный фаворит, первый во всём внутреннем дворе!

— Теперь понятно, почему Восточная Ограда нынче так вознеслась! — воскликнул Дуань Минчэнь, словно прозрев.

— Чёрт побери, но эти евнухи совсем обнаглели! Просто смотреть тошно! — в сердцах хлопнул по столу Тан Цзинвэнь.

Ло Цинь с негодованием поддержал:

— Не только ты, брат Тан, чувствуешь обиду. Да я и сам уже не в силах терпеть! Подумать только: всю чёрную работу, всю тяжкую службу несём мы, Гвардия в парчовых халатах, а лавры победителя пожинают эти скопцы из Восточной Ограды! По какому праву?!

Дуань Минчэнь нахмурился. И Гвардия в парчовых халатах, и Восточная Ограда относились к тайным службам, подчинявшимся непосредственно императору. Поскольку сферы их деятельности пересекались, скрытое и явное противоборство никогда не прекращалось. Однако глава Восточной Ограды был евнухом, лично прислуживавшим императору, а потому, по сравнению с Гвардией, их связь с государем была теснее, да и доверия они пользовались больше. Теперь положение Восточной Ограды постепенно возвысилось над Гвардией, и немудрено, что братья чувствовали несправедливость.

Дуань Минчэнь вспомнил о присланном Вань Чжэнем приглашении и спросил:

— Приглашения на пир по случаю взятия наложницы Вань Чжэнем вы все получили?

Не заводи он этой темы, всё было бы ничего, но лишь он упомянул о том, что Вань Чжэнь берёт наложницу, как гвардейцы вспыхнули с новой силой!

Их служба со стороны выглядела почётной, но на деле была полна опасностей. Часто им приходилось заниматься такими жуткими делами, как аресты и заключение в тюрьмы, отчего и чиновники, и простолюдины испытывали к гвардейцам страх и неприязнь, старались держаться от них подальше, и ни одна порядочная семья не желала выдавать дочь замуж за гвардейца.

Потому из всей этой компании, кроме уже обзаведшегося женой и детьми командующего Лю Чуна, все оставались закоренелыми холостяками.

Ло Цинь в ярости ударил по столу:

— Старый евнух, у которого и причинного места-то нет, а заводит себе трёх жён и четырёх наложниц! Просто смех один!

Тан Цзинвэнь, чьё лицо побагровело от выпитого, громко поддакнул:

— Точно, точно! Место занимает, а толку никакого! Сплошное расточительство!

На этот раз Гао Лу не стал их успокаивать, а лишь меланхолично вздохнул:

— А вы знаете, кого именно берёт в наложницы старый негодяй Вань Чжэнь?

— Кого же? — Дуань Минчэнь тоже заинтересовался. Отдать дочь в наложницы к евнуху — всё равно что столкнуть её в огненную яму. Что же это за родители такие?

— Вторую дочь князя Аньго, Се Ялань.

— Что?! — Дуань Минчэнь изумился. Он-то думал, что это какая-нибудь бедная семья, совсем уже отчаявшаяся, «продала» дочь старому евнуху в наложницы. Не ожидал он, что это окажется дочь столь высокородного сановника, как Се Юнь.

Гао Лу пояснил:

— Брат Дуань, ты только вернулся и, возможно, ещё не слышал. В конце прошлого года Се Юня обвинили в казнокрадстве и халатности. Император в гневе велел бросить его в тюрьму

Чжаоюй. Судя по тогдашнему настрою государя, он собирался отрубить ему голову.

— У Се Юня не было сыновей, зато были две дочери необычайной красоты. Старшая, Се Хуэйлань, от первого брака, вышла замуж за первого помощника в Великом секретариате Шэнь Цзюньжу в качестве второй жены. Младшая, от наложницы, — та самая Се Ялань, которую берёт в наложницы Вань Чжэнь. И первый помощник, и управляющий Восточной Ограды господин Вань одновременно вступились за Се Юня. В конце концов император смягчился, отпустил его из тюрьмы, отстранил от должности министра, оставив лишь титул князя Аньго.

Дуань Минчэнь наконец всё понял. Выходит, эти две несчастные сестры-красавицы: одна вышла замуж за первого помощника в качестве второй жены, другая отдалась в наложницы старому евнуху — судьба у них и впрямь нелёгкая. Но ради спасения отца другого выхода у них не было.

— Говорят, обе сестры входят в десятку красивейших женщин столицы, являются предметом грез многих мужчин. Жаль, ох как жаль... — Ло Цинь сокрушённо вздохнул.

— Эх, такая красавица — и досталась старому евнуху! — Тан Цзинвэнь в отчаянии стал бить себя в грудь, чуть ли не разрыдавшись.

Компания болтала и пила, и к концу вечера Дуань Минчэнь уже и не помнил, сколько чаш осушил. К счастью, в северо-западном военном лагере он часто пил с товарищами и натренировал неплохую выносливость, потому не свалился с ног. Но трое остальных оказались не так удачливы.

Гао Лу напился в стельку и, рухнув на стол, захрапел что есть мочи.

Ло Цинь и Тан Цзинвэнь тоже изрядно перебрали. Обнявшись, они ревели навзрыд.

— Почему все хорошие девушки достаются свиньям?! Красавицы выходят замуж за евнухов... Я не хочу больше жить... у-у-у!

— Почему никто не хочет меня?! Почему я не могу найти себе жену?! Не хочу я быть холостяком, а-а-а!

Дуань Минчэнь схватился за голову. Если бы кто-то посторонний увидел эту позорную сцену, разве могла бы Гвардия в парчовых халатах и дальше держать марку?

В вечер свадебного пира по случаю взятия наложницы командующий Гвардией в парчовых халатах Лю Чун был задержан во дворце по делам и не смог присутствовать. Пришлось подготовить щедрые дары и отправить с поздравлениями помощника командующего Дуань Минчэня во главе небольшого отряда.

Руководствуясь принципом «если уж проигрываешь в численности, то не проигрывай в напоре» и «бесплатную еду не брать — грех», гвардейцы явились более чем в десятке человек, да ещё и специально облачились в торжественные служебные одеяния.

Дуань Минчэнь был одет в золотисто-красное платье-иеса с облачным узором на плечах, сквозными рукавами и орнаментом ниже колен, на груди его красовалась вышитая летучая рыба, напоминающая дракона. Он был подпоясан поясом с фениксами, а на боку висел клинок «Вышитая весна». Золотые узоры парчи слепили глаза. Остальные, чьи ранги были пониже, носили платья-иеса алого цвета с летучей рыбой, и у каждого на поясе тоже висел клинок «Вышитая весна».

Группа гвардейцев, бодро вышагивая и горделиво вскинув головы, прибыла в резиденцию управляющего Восточной Оградой Вань Чжэня. Их грозный вид был таков, что незнающий человек мог бы подумать, что они явились по императорскому указу конфисковать имущество!

Слуги Вань Чжэня засуетились, поспешно проводя гвардейцев внутрь. К тому времени многие чиновники уже заняли свои места за столами, и появление Гвардии в парчовых халатах заставило всех внутренне содрогнуться.

Управляющий дома Вань оказался смышлёным: он усадил гвардейцев за отдельный большой стол, подальше от остальных чиновников, чтобы все могли чувствовать себя спокойно.

Дуань Минчэнь заметил несколько столов в отдалении, занятых людьми из Восточной Ограды. Сердце его ёкнуло, и он невольно присмотрелся повнимательнее.

Ло Цинь, уловив его выражение лица, приблизился и тихо сказал:

— Среди них нет Гу Хуайцина. Похоже, он ещё не прибыл.

Вань Чжэнь был сиротой, родственников у него не было, а уж детей и подавно. Будучи приёмным сыном, Гу Хуайцин по идее должен был помогать с приёмом гостей. Если он не пришёл, значит, вероятно, задержался по дворцовым делам.

Спустя некоторое время у входа послышался шум, и долетело почтительное обращение слуг: «Господин Гу!» Гвардейцы, обладая недюжинной остротой слуха, мгновенно устремили взоры ко входу.

Портьера отодвинулась, и вошедший сначала склонил голову, но, нечаянно подняв её, озарил ярким светом мгновенно померкший зал.

Рассмотрев лицо вошедшего, Дуань Минчэнь замер в изумлении. Объездив полстраны, он повидал немало людей, но сейчас не мог подобрать слов, чтобы описать того, кто стоял перед ним.

Евнухи, жившие во дворце в довольстве и роскоши, в большинстве своём отличались белизной кожи и нежными чертами. Однако, лишённые важной детали, они всегда казались недостаточно мужественными, с избытком женственности. Добавив к этому услышанные ранее слухи, Дуань Минчэнь невольно представлял Гу Хуайцина этаким напудренным, женоподобным существом, вкрадливо льстящим своему повелителю.

<http://bllate.org/book/16283/1466602>